

Андрей БАКШЕЕВ**КОНТРОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ НАД
ПРОМЫШЛЕННОСТЬЮ СИБИРИ (1921–1925 гг.)**

Сибирь в 20-е гг. XX в. представляла собой в экономическом плане слабо развитый регион с подавляющим господством мелкой промышленности полукустарного типа и крайне низкой плотностью населения. Рабочий класс был неоднороден и разбросан по огромной территории. Всего он насчитывал около 325 тыс. рабочих, в т.ч. в горнозаводской промышленности работало 100 тыс. чел., на железной дороге — до 85 тыс. чел. Большинство населения (свыше 9 млн чел.) составляли крестьяне. Городов было немного, и они скорее выполняли административные функции, чем являлись промышленными центрами. В этой связи проблема анализа государственного регулирования промышленности Сибири в первые годы НЭПа имеет свои особенности, связанные с культурно-историческим прошлым народов, традициями, этническим составом населения, уровнем экономического развития советского государства и др. Представляется, что характеристика процессов денационализации, аренды предприятий, организации трестов и синдикатов, поиск новых форм организации и управления промышленным производством могут быть использованы при изучении дальнейшего развития государства, его структур и в современной России. Важным, на наш взгляд, является и рассмотрение законодательных актов периода НЭПа, которые были направлены на нормативно-правовое регулирование отношений в сфере промышленности. Таким образом, на историческом опыте Сибири показано, что наличие различных форм собственности и арендных отношений в период НЭПа не смогли привести к полноценному функционированию промышленных предприятий, в т.ч. крупных, поскольку для успешного функционирования рыночных отношений необходимо создание полноценной рыночной среды.

Ключевые слова: аренда, денационализация, национализация, новая экономическая политика, промышленность, Сибирь, синдикат, трест

JEL: J51, J52, L32, P23, R58

Введение

В ходе развития рыночных отношений в современной России активно идет процесс становления института частной собственности и формирования слоя предпринимателей, что порождает ряд проблем и противоречий. Важнейшими среди них являются разработка форм и методов частнопредпринимательской деятельности, выбор методов го-

сударственного регулирования предпринимательства и определение его места и роли в экономике страны. Для успешного решения этих задач большое значение имеет использование исторического опыта рыночных преобразований в годы НЭПа¹.

Хочется особо отметить, что период с начала 90-х гг. XX в. и до наших дней представляет особый интерес в плане расширения и углубления историографии по рассматриваемой проблематике. Это объясняется тем, что после 1991 г. вследствие преодоления коммунистической идеологии как официальной государственной доктрины расширились возможности для объективной исследовательской работы. Современные авторы изучают широкий спектр вопросов идеологии, политической власти и экономической системы времен НЭПа. Особое внимание сегодня уделяется исследованию политико-правовой системы советского государства [7; 8]. Серьезный вклад в историографию НЭПа внес коллективный труд «НЭП: приобретения и потери», изданный в 1994 г. В нем с позиции сегодняшнего дня рассматриваются первый опыт взаимодействия власти и экономики, эволюция политической жизни и хозяйственной системы, а также степень государственного влияния на мелкотоварное хозяйство страны. В статьях Л.А. Неретиной, И.А. Исаева, В.А. Ильиных, М.А. Свищева и др. много внимания уделяется проблемам частного предпринимательства, созданию предприятий капиталистического типа. Авторы выступают твердыми сторонниками рыночной экономики и положительно оценивают роль частного капитала в ее развитии [9; 10].

Вместе с тем *специальных крупных исследований* частнопредпринимательской деятельности, а также государственного сектора и воздействия на них государственных структур в период НЭПа за последние годы *не проводилось*. Наиболее значительное место в изучении контроля государственных органов над промышленностью Сибири отводится в диссертационных исследованиях С.В. Виноградова [11] и С.А. Уразовой [12]. В них показываются преимущества частного сектора в решении социальных вопросов, его более высокая экономическая эффективность по сравнению с государственно-кооперативным сектором и т.д. В сибирской историографии современного периода анализ экономики региона времен НЭПа нашел наиболее полное отражение в работах М.А. Винокурова

¹ Соотношение плановых и рыночных механизмов регулирования экономики, внедрение хозрасчета и др. в годы новой экономической политики всегда вызывали большой интерес у исследователей. Например, современник НЭПа, принимавший непосредственное участие в его реализации на первых этапах, известный российский экономист Л.Б. Кафенгауз в монографии «Эволюция промышленного производства России» [1] основное внимание уделил проблеме восстановления внутреннего рынка и денежного товарообмена, способствовавших воссозданию эквивалентных связей промышленных и сельскохозяйственных производителей. В.А. Мау в своем исследовании [2] сосредоточился на вопросах методологии планирования народного хозяйства в рассматриваемый период, выбрав основной проблемой противопоставление директивного планирования и свободной рыночной конкуренции. В том же ключе осуществлены исследования И.Б. Орлова [3] и И.В. Быстровой [4], сосредоточившихся на негативных аспектах ускоренной индустриализации, связанных с внедрением административно-плановой системы во все сферы экономики СССР. Работы исследователей НЭПа *Peter J. Boettke* [5] и *Sheldon L. Richman* [6] посвящены в основном авторитарной политике советского правительства и правящей РКП(б)-ВКП(б), приведшей к краху новой экономической политики советского государства.

и А.П. Суходолова [13; 14]. В них дан краткий исторический обзор социально-экономического развития Сибири в 20-е гг. XX в. Авторы приводят некоторые довольно любопытные факты развития частного капитала и государственных предприятий региона.

Таким образом, историография как частного предпринимательства, так и государственного сектора экономики незначительна по объему и не имеет научных направлений и школ. Анализируя работы исследователей по проблемам НЭПа, можно сделать вывод, что все они имели существенный недостаток, который вытекал из недостаточного исследования проблем организации и управления промышленностью. В связи с этим возникает задача определения условий полноценного функционирования промышленных предприятий, в т.ч. в рамках крупных организаций.

В начале 20-х гг. XX в. советская промышленность находилась в кризисном состоянии. Сказывались последствия тяжелейшей гражданской войны. В Сибири наиболее развитая в промышленном отношении полоса вдоль линии Транссибирской железнодорожной магистрали была разорена до основания. По далеко неполным данным было разграблено 56 000 крестьянских хозяйств, сожжено и уничтожено более 3 000 сельскохозяйственных орудий, расхищены миллионы пудов продовольствия и фуража. Полностью разрушено 167 мостов, сотни километров телеграфных линий, большинство вокзалов, складов и других железнодорожных сооружений. Общий ущерб, причиненный Сибири (до Байкала) гражданской войной и иностранной интервенцией, по неполным данным, составил громадную сумму — почти 4 млрд довоенных золотых рублей [15, с. 119–120].

В 1920 г. промышленное производство освобожденной от белогвардейцев и интервентов Сибири составляло четверть довоенного уровня. Добыча угля на сибирских копях по сравнению с 1917 г. сократилась в два раза, в полное расстройство пришла железоделательная промышленность, прекратилась разработка медных, свинцовых и цинковых рудников. Настоящим бедствием для Сибири стали массовые эпидемии. Отступавшие колчаковцы вынуждены были бросать на произвол судьбы своих военнослужащих, больных тифом, которых в районе железнодорожной магистрали насчитывалось до 120 тыс. Еще больше в Сибири было беженцев, которыми буквально были забиты все еще неразрушенные станции вдоль железнодорожной магистрали. Они сильно голодали, также как и солдаты болели тифом, заражая им местное население. Всего в 1920 г. в Сибири было зарегистрировано около 600 тыс. тифозных больных при 9 млн населения Сибири. Не хватало врачей и фельдшеров, большинство которых были мобилизованы колчаковцами в свою армию, а также больниц и медикаментов [16, с. 151].

Необходимо заметить, что в Сибири послевоенная разруха осложнилась страшным голодом, охватившим регион в 1921–1924 гг. [17]. На этом фоне реализация политики сворачивания товарно-денежных отношений привела к серьезному разрыву сложившихся экономических связей города и деревни и, как следствие, к натурализации сельского хозяйства. Последнее значительно понизило объемы производства кустарной промышленности и резко сократило ее товарность. По данным

В.В. Коновалова, общее количество сибирских кустарей и ремесленников сократилось с 1913 г. в 1,7 раза до 92,8 тыс. чел. Одновременно тормозилось вытеснение мелкого кустарного производства крупным промышленным: в 1920 г. более 90% промышленных предприятий Сибири были кустарными и полукустарными [18, с. 75]. Основным направлением политики в промышленной сфере *стала последовательная экспроприация мелкой частной собственности*. Если первоначально национализации были подвергнуты в основном крупные и средние промышленные предприятия, то далее она охватила и предприятия мелкой промышленности.

Массовое недовольство политикой «военного коммунизма» и угроза существованию советской власти заставили партию большевиков отступить от планов осуществления «мировой революции». Новый курс начался с замены продразверстки продналогом и получил название новой экономической политики. Сначала основную задачу НЭПа большевики видели в том, чтобы ослабить крестьянское сопротивление советской власти, и новая экономическая политика представлялась пропагандой как «укрепление союза рабочего класса и трудового крестьянства». С этой целью признавалось возможным частичное функционирование рынка в местном масштабе. Но уже летом 1921 г. кризис в промышленности приобрел настолько катастрофический характер, что дальнейшее промедление с реформами привело бы к краху всего производства.

Вместе с тем анализ государственного регулирования промышленности в первые годы НЭПа и особенности ее проявления в Сибири, а также наличие различных форм собственности, арендных отношений и введение хозрасчета *не смогли привести к полноценному функционированию промышленных предприятий*, в т.ч. крупных, поскольку для успешного функционирования рыночных отношений необходимо создание устойчивой рыночной среды.

Результаты исследования и их обсуждение

Летом 1921 г. вышло несколько декретов ВЦИК и СНК РСФСР, а также постановление СТО РСФСР, которые вводили НЭП в промышленности². Новую экономическую политику в промышленности можно условно разделить на три этапа.

Первый (1921–1923 гг.) — период денационализации, аренды предприятий, организации трестов и синдикатов, а также формирования рыночных отношений.

Второй (1923–1927 гг.) — период восстановления промышленности и поиска новых форм организации и управления промышленностью.

² Декрет СНК РСФСР от 05.07.1921 г. «О порядке сдачи в аренду предприятий, подведомственных Высшему Совету Народного Хозяйства». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1004.htm; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.07.1921 г. «О кустарной и мелкой промышленности». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1008.htm; Декрет ВЦИК, СНК РСФСР от 07.07.1921 г. «О промысловой кооперации». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1007.htm; Постановление СТО РСФСР от 12.08.1921 г. «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства». URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1052.htm

Третий (1927–1929 гг.) — период кризиса нэповских форм хозяйствования и утверждения командно-административных методов управления страной.

Анализируя процессы, связанные с преобразованиями в промышленности, представляется необходимым отметить следующее: во-первых, переход к рынку и товарно-денежным отношениям имел место; во-вторых, этот переход осуществлялся в условиях национализированной промышленности, при сохранении за государством «командных экономических высот» [19].

Если говорить о внедрении НЭПа в промышленности, то государство национализировало частные предприятия, установило систему экономических отношений, построенных на прямой организации государственного процесса воспроизводства в пределах предприятия, отрасли, территории и даже фаз воспроизводства.

В своем исследовании мы сосредоточим внимание в основном на первом этапе НЭПа, главными особенностями которого в промышленной сфере в отличие от периода «военного коммунизма» были:

- денационализация промышленных предприятий;
- аренда предприятий;
- организация трестов и синдикатов.

В Сибири перед началом НЭПа было национализировано более 1 640 предприятий промышленности, на которых работало по разным данным от 80 до 90 тыс. рабочих. Начало процессу денационализации в Сибири положило постановление Сибревкома от 21 июля 1921 г. «О возможности передачи промышленных предприятий кооперативным организациям, частным лицам и иностранным концессиям» [20].

При этом в первую очередь власти региона освобождались от кустарно-ремесленнических предприятий, которые при национализации имели не более двух–трех наемных рабочих и оборудование мощностью не более пяти лошадиных сил. Более крупные объекты промышленности продолжали удерживаться в государственной собственности. К 1 октября 1922 г. кампания по денационализации промышленности в Сибири была практически завершена.

Из 1 640 национализированных промышленных предприятий 739 (или 45%) было денационализировано, при этом более 90% из них возвратилось к своим прежним владельцам (в основном кустарям и ремесленникам). В результате сложилась смешанная экономика, позволившая вывести страну из затяжного кризиса и разрухи. К 1927 г. сибирская промышленность достигла уровня 1913 г. [21].

Необходимо отметить, что в 1921–1925 гг. государство располагало системой мер регулирования частнопредпринимательской деятельности (налоговая, ценовая, законодательная, кредитная политика и др.). Значительное место отводилось агитационно-пропагандистской работе через коммунистические, комсомольские, профсоюзные, общественные организации и особенно печать. Решающее значение имело применение административных санкций и репрессий. Определяющим являлось соблюдение условия классового принципа во взаимоотношениях государства с предпринимателями. Наличие этих мер позволяло

использовать частный капитал, удерживая его в определенных пределах. Политический курс 1922–1924 гг. характеризовался ростом администрирования экономики в условиях социального кризиса и начала радикальной индустриализации страны.

Важным рычагом воздействия на предпринимателей стала ценовая политика, которая в годы НЭПа была подчинена стратегической задаче – *форсированной индустриализации*. С помощью «ножниц цен», наряду с другими мерами, советским правительством проводилась перекачка финансовых ресурсов из аграрного сектора экономики в промышленный. В 1922–1924 гг. ценовая политика характеризовалась усилением государственного регулирования и централизованным снижением цен, что было обусловлено началом форсированной индустриализации и задачами преодоления социального кризиса. Предпринимательство являлось препятствием на пути реализации планов политического руководства, т.к. государственный сектор, подчиненный жесткой ценовой политике, *не выдерживал с ним конкуренции*. Вследствие этого против предпринимателей применялись административные меры, вплоть до репрессий.

Их использование было особенно характерно для Сибирского региона, где, например, широко практиковались массовые аресты частных хлебозаготовителей в нарушение существовавших в стране правовых норм. Жесткое ценовое регулирование, как и другие административные решения, обострило социально-политическую ситуацию в стране. Это заставило партийно-государственное руководство перейти к более рыночной, экономически обоснованной ценовой политике в 1925 – первой половине 1926 гг. В результате инфляция сократилась до минимальных размеров за все годы НЭПа. Таким образом, к концу 1924 г. наступление на частника прекратилось. Правительство теперь ориентировалось на создание нормальных условий для работы частного капитала. Улучшилась и экономическая ситуация в стране.

Либерализация рынка достаточно быстро привела к видимым положительным результатам. Частники наладили «челночную» торговлю с деревней. Центральные улицы городов заполнили продавцы мелкой розницы. Открылись частные магазины, мастерские, рестораны, другие увеселительные заведения. Газеты наполнились рекламными объявлениями. Однако шоковая терапия имела и обратную сторону. Цены на сельскохозяйственные продукты увеличивались с головокружительной быстротой. Нарастали темпы гиперинфляции. В государственной промышленности началось «проедание фондов». Покупательная способность крестьянства была крайне низкой, а объемы товарной продукции сельского хозяйства минимальными. Чтобы приобрести продовольствие для работников, переведенные на хозрасчет промышленные предприятия вынуждены были реализовывать промышленные товары ниже себестоимости, продавали сырье и даже оборудование. «Помощь» в этом им оказывали частные посредники, которые за счет государственных средств осуществляли «первоначальное накопление капитала». Часть заводов и фабрик закрылась. Действующие предприятия и учреждения постоянно сокращали штаты. Масштабы безработицы постоянно увеличивались. В то время, как немногочисленные нувориши публично

демонстрировали свое «процветание», бóльшая часть городских жителей испытывала нужду в самом необходимом и даже голодала.

Таким образом, допущение капиталистических отношений в советскую экономику имело свои пределы. В руках государства оставались «командные высоты» народного хозяйства: транспортная инфраструктура, крупная промышленность, внешняя торговля. Допускалась потенциальная возможность перехода к директивному ценообразованию в случае признанного властями неблагоприятным для развития производства уровня роста цен. На повестке дня оставалась задача сосредоточения в руках государства максимально возможных объемов излишков сельскохозяйственной продукции. Советская буржуазия (нэпманы) была лишена политических прав и существенно ограничивалась в правах социальных.

Также в конце лета — начале осени 1921 г. в разных губерниях Сибири началась кампания по передаче предприятий в аренду. Первоначально она была довольно активной, т.к. губернские совнархозы (СНХ) торопились избавиться от мелких неработающих предприятий. Наиболее интенсивно заключение договоров аренды между СНХ и частными лицами происходило осенью—зимой 1921–1922 гг.

Арендой предусматривалось сохранение производства на арендованном предприятии и обеспечение его бесперебойного функционирования. Платой за аренду являлась доля от выпускаемой продукции (обычно 5–25%), которая передавалась государству в натуре или его денежном эквиваленте. Арендовались в основном предприятия легкой и пищевой промышленности, которые не требовали наличия значительных оборотных средств и первоначальных затрат, осуществлявшие выпуск пользующейся большим спросом продукции. Почти половина таких предприятий *вернулась к своим бывшим владельцам*, владевшим знаниями специфики производства и арендовавшим их вместе с персоналом, запасами сырья и топлива. Как правило, арендные договора заключались на срок до 3-х лет, что объяснялось шаткостью экономического положения в целом, а также политикой на местах, где совнархозы не стремились поощрять аренду на более длительные сроки. В Сибири арендная политика оказалась фактически завершена зимой 1922 г. [22, с. 46–47].

Стоимость продукции, производимой на предприятиях, сданных в аренду, была значительно выше, чем производимой в государственном секторе. Это объяснялось отраслевой структурой производства, как правило, связанной с производством продуктов питания и товаров массового потребления, стоимость которых в перерасчете на человека-день, была выше, чем в добывающей промышленности, металлургии, тяжелом машиностроении. Дополнительную прибыль приносило значительное удлинение рабочей смены, использование низкооплачиваемого женского и детского труда и иные нарушения трудового и налогового законодательства. Предприниматели, которые брали промышленные предприятия в краткосрочную аренду, не старались вкладывать капитал в реконструкцию предприятий, закупку нового оборудования, ремонтные работы, улучшение условий труда и т.п.

Национализированная крупная промышленность несла все признаки системы, заложенные в нее в годы «военного коммунизма». Частный

капитал не стремился в сферу крупного промышленного производства. Даже крупные частные предприятия по технической оснащенности и количеству персонала уступали государственным, а на производстве применялся ручной труд.

В этих условиях советское правительство, начиная с лета 1922 г., провело ряд мероприятий по усилению монополизации рынка. Создаются крупные общесоюзные, республиканские и региональные государственные торговые организации (в т.ч. заготовительные), которые наряду с кооперативными объединениями и союзами пользовались преимущественным правом получения государственных кредитов и иными льготами («Хлебопродукт», Госторг РСФСР, Сибторг, Дальгосторг и др.). Крупные государственные предприятия объединялись в производственные тресты (Сибметаллтрест, Сибуголь, Сиблестрест, Дальзолото и др.), а те в свою очередь в синдикаты, которые занимались сбытом продукции (Сибсоль, Сибхимсиндикат, Сибкожсиндикат и др.).

Для координации деятельности государственной и кооперативной промышленности и торговых организаций, а также общего регулирования рынка создавались специальные государственные управленческие структуры (ВСНХ, Сиб. и Дальпромбюро, Комиссия по внутренней торговле СТО, Сиб. и Далькомвнутторг и др.). На Дальнем Востоке после включения территории Дальневосточной республики в состав РСФСР началась национализация крупной промышленности и введение государственной монополии внешней торговли.

Таким образом, основной формой организации крупной обрабатывающей и добывающей промышленности в рассматриваемый период стали тресты, организованные в соответствии с Постановлением СТО РСФСР от 12.08.1921 г. «Основные положения о мерах к восстановлению крупной промышленности и поднятию и развитию производства» из «наиболее крупных, технически оборудованных, целесообразно организованных и соответственно расположенных предприятий»³.

Организуя тресты, государство оставило за собой право собственности как на средства производства, так и на доходы, которые получали тресты от своей хозяйственной деятельности. За ними оставалось право лишь распоряжаться оборотными капиталами. Но даже и такая ограниченная самостоятельность не всегда предоставлялась трестам. Объединив предприятия в тресты и подчинив их хозяйственным органам, государство создало чрезвычайно благоприятные условия для осуществления плановых мероприятий по управлению промышленностью. Для трестов определялись обязательные плановые показатели в так называемых производственных (производственно-финансовых) программах. Показатели планового регулирования с каждым годом росли. Но основными оставались выпуск готовой продукции, финансирование, фонд заработной платы, количество рабочей силы, размеры прибыли и участие в торговых операциях. Получив права самостоятельности и хозрасчета, тресты с самого начала попали в условия, которые их лишали и самостоятельности, и возможности работать в условиях хозрасчета.

³ URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1052.htm

Такое сочетание плановой и рыночной экономики имело определенные преимущества, но еще больше недостатков.

Тресты, которые начали организовываться еще осенью 1921 г., получили права юридических лиц, самостоятельность в оперативно-хозяйственной деятельности и должны были работать на принципах хозяйственного расчета. Если государство признавало принцип невмешательства в хозяйственную деятельность трестов, то, соответственно, оно должно было предоставить трестам самостоятельность в формировании цен и сбыта своей продукции. Но советское государство признало необходимость удерживать управление экономикой с элементами распределения товаров в интересах государственной власти. Это осуществлялось в значительной мере через механизм госзаказа. Государственные органы заказывали в трестах соответствующее количество товаров по твердым, установленным государством ценам, которые почти никогда не соответствовали реальным и были значительно ниже себестоимости продукции, которую нередко вообще изымали бесплатно.

Таким образом, трест был запрограммирован на убытки, которые государство покрывало из бюджета, а вернее за счет сельского хозяйства. Фактически был образован механизм не рыночного, а волевого распределения. В первую очередь это относилось к трестам тяжелой промышленности, которые должны были обеспечивать восстановление промышленности сырьем, топливом, транспортом, материалами и оборудованием.

К 1 октября 1922 г. в Сибири было образовано 38 трестов, объединивших 184 промышленных предприятия с 31,4 тыс. рабочих (77,6% всех работников государственных предприятий). Угольная и золотодобывающая как основные отрасли сибирской промышленности были целиком объединены в тресты, при этом центральные тресты подчинялись напрямую высшему совету народного хозяйства (ВСНХ) – центральному государственному органу управления народным хозяйством в советских республиках и СССР, а местные тресты – областным совнархозам. Для сбыта продукции, производимой трестами, и распределения заказов среди предприятий треста, создавались синдикаты, которые являлись юридическими лицами и подчинялись напрямую ВСНХ. Всего на конец 1922 г. в РСФСР было создано 16 синдикатов, обслуживающих 176 трестов (68% от общего количества по стране) [23].

Поскольку оперативная работа по управлению деятельностью промышленных предприятий была сосредоточена на уровне трестов, Сибпромбюро ВСНХ из органа, который управлял предприятиями напрямую, превратилось в орган, который начал регулировать и планировать деятельность самих трестов. В непосредственном подчинении Сибпромбюро осталось лишь ограниченное число предприятий. Перестройка управленческого аппарата совершалась и на уровне местных совнархозов, производственные отделы которых были реорганизованы в тресты, а регулированием деятельности промышленности теперь занимались техотделы совнархозов.

Для государственных трестов в период 1921–1922 гг. существовала возможность преобразования в акционерные общества, которые на то время были уже достаточно распространены в форме синдика-

тов, паевых обществ (объединений) и т.п. Однако декрет ВЦИК и СНК от 10 апреля 1923 г. «О государственных промышленных предприятиях, действующих на началах коммерческого расчета (трестах)»⁴, впервые создавший всестороннюю и твердую правовую основу функционирования государственного предприятия как единого целого в условиях НЭПа, фактически сделал невозможным появление в крупной промышленности любой другой формы собственности, кроме государственной. Об этом позже, в 1928 г., четко и ясно высказался председатель ВЦСПС М.П. Томский: «У нас нет и не может быть общественно-корпоративной промышленности — вся наша промышленность является государственной промышленностью, все ее формы, все стороны хозяйства подлежат государственному регулированию» [24, с. 255].

Таким образом, начиная с 1923 г., намечается разделение промышленных трестов на три большие группы. К одной группе относятся тресты, которые в основном работали на рынок, самостоятельно определяли рынки сбыта, устанавливали цены на сырье, материалы и даже в значительной степени влияли на цену товаров. Это были в основном тресты легкой и пищевой промышленности республиканского, краевого и губернского подчинения, хотя и они выполняли значительный госзаказ. Они работали на принципе хозяйственного расчета, хоть и очень искаженного. Правда, прибылью они не распоряжались, поскольку она принадлежала не тресту, а государству как собственнику треста. В Сибири такими трестами были Сибирский маслостроительный трест (Сибмаслотрест), Восточно-Сибирский краевой трест бродильной и безалкогольной промышленности (Бродтрест), Восточно-Сибирский краевой трест по переработке продукции сельского хозяйства (Востсибсельпром), Восточно-Сибирский краевой трест кожевенной промышленности (ВостСибкожтрест) и др.

Вторая группа трестов функционировала в основном в тяжелой промышленности, например Краевой Восточно-Сибирский трест промышленного строительства (Востсибпромстрой). Эти тресты, как правило, выполняли госзаказ по произвольно установленным ценам. Большинство из них работало нерентабельно, но государство по разным причинам, в т.ч. идеологическим, не желало переводить их на полный хозрасчет.

В отдельную, третью, группу трестов можно включить предприятия добывающей промышленности: Государственный Восточно-Сибирский трест по добыче золота (Востсибзолото), Сибирский краевой трест Лесной промышленности «Сиблестрест» и др. Предприятия этих трестов на тот период являлись основным источником валютных поступлений советского государства и были созданы еще в 1906–1914 гг., главным образом на основе иностранного капитала.

Особенно активно государство начинает вмешиваться в систему ценообразования после «кризиса цен» 1923 г., известного как «ножницы цен», вызванного, по мнению большинства представителей советской власти, несоответствием цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Действительно, такое расхождение цен было, но оно стало

⁴ URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1600.htm

не причиной, а следствием. Ведь сельское хозяйство потребляло лишь одну четвертую промышленной продукции, и большинство товаров промышленного производства потреблялось городом и промышленностью. Причина в том, что, получив летом 1923 г. приказ ВСНХ о том, что основной целью деятельности треста является получение максимальной прибыли, тресты начали резко поднимать цены. Чтобы выйти из кризиса, государство заставило их снизить цены на свои товары. И хотя кризис был преодолен, но этим фактом была искажена главная проблема рынка, заключающаяся в сбыте товаров. Более доступные цены привели к закупке большего количества товаров, чем в этом была необходимость.

Таким образом, рынок был лишен своей основной функции – регулирования спроса и предложения. После этого практически на протяжении всей истории советской социалистической экономики одной из нерешенных проблем стала проблема дефицита товаров, породившая уже тогда небывалый взлет коррупции [25, с. 168].

Регулирование общественного производства в условиях материально-финансовой несбалансированности ставило объединенные в тресты промышленные предприятия, лишенные хозяйственной самостоятельности, в чрезвычайно тяжелые условия своего функционирования. Если такая система организации управления была целесообразной в начале НЭПа, то в период завершения восстановления она стала настоящим тормозом развития промышленности.

Основным методом регулирования производства становится производственный и кредитный план треста, имевший целью не восстановление равновесия на рынке, а решение ближайших хозяйственных задач. Однако исключительно государственное регулирование не позволяло решить всех задач в обход рыночного равновесия. Тем не менее руководство промышленностью видело выход из кризисной ситуации не в изменении принципов подхода к проблеме государственного регулирования, а в организационных изменениях управления промышленностью.

Следует отметить, что некоторые тресты начали предоставлять своим предприятиям больше свободы, позволяя им самостоятельно заготавливать сырье и сбывать продукцию. Это прежде всего были тресты, работавшие на рынок, выпускающие товары массового потребления. Тресты, которые находились на государственной дотации, не спешили переводить предприятия на хозрасчет даже после постановления ЦИК СССР и СНК СССР «Об утверждении положения о государственных промышленных трестах» от 29 июня 1927 г.⁵, которое директивно обязывало тресты переводить предприятия на хозрасчет.

Действительно, система организации и управления имела существенные недостатки, но причина свертывания в итоге НЭПа была скрыта в подходах к осуществлению управления и проявилась уже на первоначальном этапе новой экономической политики.

Так, в начале 1923 г. можно было четко проследить, что развитие концепции хозрасчета трансформировалось в проблему соотношения

⁵ URL: http://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_3315.htm

плана и рынка. Как бы мы сегодня ни трактовали план, бесспорно одно — вся государственно-партийная стратегия становления социального сектора *вытекала из презумпции*: план — подлинно социалистический путь развития, который противостоит рынку, ограничивает его влияние. Вопрос регулирования деятельности промышленности через рыночные стоимостные механизмы не рассматривался.

* * *

Подводя итоги исследования, необходимо отметить, что несмотря на то, что переход к НЭПу привел к определенным положительным результатам при денационализации и аренде сибирской мелкой промышленности, указанные направления реформирования носили неполноценный характер и в 1921–1925 гг. по-прежнему имели место методы управления, присущие политике «военного коммунизма». Именно из-за этого кустарное и ремесленное производство не смогли полностью выйти из кризисного состояния. Развитие частной фабрично-заводской промышленности тормозилось ограничениями размеров основных производственных фондов, отсутствием необходимых финансовых средств, но в большей степени политикой советской власти, направленной на сохранение за собой «командных высот» в промышленности.

Таким образом, для утверждения рынка недостаточно наличия различных форм собственности и арендных отношений. Полноценная жизнедеятельность рынка требует создания соответствующей экономической среды существования хозяйствующих субъектов. В годы НЭПа для крупных промышленных предприятий такие условия созданы не были.

Список литературы

1. Кафенгауз Л.Б. Эволюция промышленного производства России. М.: Эпифания, 1994. 848 с.
2. Мау В.А. Реформы и догмы 1914–1929 гг.: Очерки истории становления хозяйственной системы тоталитаризма. М., 1993. 256 с.
3. Орлов И.Б. Противоречия индустриализации // Россия нэповская / под ред. А.Н. Яковлева. М.: Новый хронограф, 2002. С. 376–402.
4. Быстрова И.В. Государство и экономика в 20-е годы: Борьба идей и реальность // Отечественная история. 1993. № 3. С. 19–34.
5. Boettke P.J. The Political Economy of Soviet Socialism: The Formative Years, 1918–1928. Boston: Kluwer Academic, 1990.
6. Richman Sh.L. War Communism to NEP: The Road from Serfdom // The Journal of Libertarian Studies. 2001. Vol. V. N 1. P. 89–97.
7. Шмелев Н. Новое — хорошо забытое старое // Вопросы экономики. 1994. № 4. С. 4–11.
8. Формирование административно-командной системы, 20–30-е гг.: сб. ст. / отв. ред. В.В. Дмитриенко. М., 1992. 236 с.
9. Исаев И.А. НЭП: рыночная перспектива // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 87–99.
10. Ильиных В.А. Государственное регулирование заготовительного хлеб-

ного рынка в условиях НЭПа (1921–1927 гг.) // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 164–175.

11. *Виноградов С.В.* Становление и развитие смешанной экономики в условиях НЭПа, 1921–1927 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 1992.

12. *Уразова С.А.* НЭП и развитие легкой и перерабатывающей промышленности, 1921–1928 гг. (На материалах политических и общественных организаций Среднего Поволжья): дис. ... канд. ист. наук. Самара, 1993.

13. *Винокуров М.А., Суходолов А.П.* Экономика Сибири: 1900–1928. Новосибирск, 1996.

14. *Винокуров М.А.* Сибирь в первой четверти XX века: освоение территории, население, промышленность, торговля, финансы. Иркутск, 1996. 188 с.

15. Сибирский Революционный Комитет (Сибревком). Август 1919 – декабрь 1925 гг.: сб. документов и материалов. Новосибирск, 1959. 658 с.

16. История Сибири с древнейших времен до наших дней / гл. ред. А.П. Окладников. В 5 т. Т. 4. Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. 501 с.

17. *Бакшеев А.И.* Причины, последствия и борьба с голодом 1921–1924 гг. в Сибири // *Федерализм*. 2013. № 2. С. 183–190.

18. *Коновалов В.В.* Мелкие промышленники Сибири и большевистская диктатура: вопросы теории и практики военного коммунизма. Новосибирск: Наука, 1995. 217 с.

19. Программа Коммунистического Интернационала. Принята на 45-м заседании VI конгресса Коммунистического Интернационала 1 сентября 1928 г. // Коммунистический Интернационал в документах. 1919–1932. М.: Партийное издательство, 1933.

20. *Бородулина Е.В.* Денационализация и аренда в мелкой промышленности Сибири при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике (1921–1923 годы) // *Научный диалог*. 2018. № 1. С. 137–157.

21. *Демчик Е.В.* Предпринимательская деятельность нэпманов в Сибири // *Вопросы истории*. 1999. № 7. С. 28–40.

22. *Бородулина Е.В.* Политическая линия большевиков в мелкой промышленности в условиях перехода от военного коммунизма к НЭПу // *Вестник ИПИ*. 2014. № 2 (14). С. 41–51.

23. *Совнархозы* // *Историческая энциклопедия Сибири* / гл. ред. В.А. Ламин. В 3 т. Т. 2. Новосибирск, 2009. С. 131–133.

24. Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг. В 5 т. Т. 1. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М.: МФД, 2000. 495 с.

25. *Бакшеев А.И.* Коррупция как социальное явление в нэповской Сибири // *Федерализм*. 2014. № 1. С. 163–170.

CONTROL OF STATE AUTHORITIES OVER THE INDUSTRY OF SIBERIA (1921–1925)

Siberia in the 20s. The 20th century was an economically underdeveloped region with the overwhelming dominance of small-scale semi-artisan industry and an extremely low population density. The working class was heterogeneous and scattered over a vast territory. In total, he totaled about 325 thousand workers, including 100 thousand people worked in the mining industry, and up to 85 thousand people worked on the railway. The majority of the population (over 9 million people) were peasants. There were few cities and they rather performed administrative functions than were industrial centers. In this regard, the problem of analyzing the state regulation of the Siberian industry in the first years of the NEP has

its own peculiarities, including those related to the cultural and historical past of peoples, traditions, ethnic composition of the population, the level of economic development of the Soviet state, etc. It seems that the characterization of the processes of denationalization, rental of enterprises, organization of trusts and syndicates, the search for new forms of organization and management of industrial production can be used in studying the further development of the state, its structures, including in today's Russia. Important, in our opinion, is the consideration of legislative acts of the NEP period, which were aimed at regulatory regulation of relations in the industry. Thus, the historical experience of Siberia showed that the existence of various forms of ownership and rental relations during the NEP could not lead to the full functioning of industrial enterprises, including large ones, since the successful functioning of market relations requires the creation of a full-fledged market environment.

Keywords: denationalization, industry, nationalization, new economic policy, rent, Siberia, syndicate, trust

JEL: J51, J52, L32, P23, R58

Дата поступления — 31.10.2019 г.

БАКШЕЕВ Андрей Иванович

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук;

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Министерства здравоохранения Российской Федерации / ул. Партизана Железняка, 1, Красноярск, Красноярский край, 660022.

e-mail: baksh-ai@yandex.ru

BAKSHEEV Andrey I.

candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities;

Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky Ministry of Health of the Russian Federation / 1, Partizan Zheleznyak Str., Krasnoyarsk, Krasnoyarsk Territory, 660022.

e-mail: baksh-ai@yandex.ru

Для цитирования:

Бакшеев А. Контроль государственных органов над промышленностью Сибири (1921–1925 гг.) // Федерализм. 2020. № 1. С. 129–142.